

УДК 800:159.9

А. В. Скрябина

ПИСЬМО К САМОМУ СЕБЕ:
О ПРОБЛЕМЕ КОММУНИКАЦИИ В КАРТИНЕ МИРА Н. КОНОНОВА
(на примере рассказа «Амнезия Анастасии»)

Анализируется феномен Другого я героя на материале рассказа «Амнезия Анастасии» Н. Кононова. Письмо рассматривается здесь как основной способ коммуникации героя со своим воображаемым адресатом, а само существование альтернативной личности героя связывается с особой зыбкостью, неустойчивостью, дисгармоничностью и дискретностью художественного мира автора.

135

In the article the phenomenon «Another I» of the hero on a story material «the Amnesia Anastasia» is analyzed by N. Kononov. In work the letter as the basic way of communications of the hero with the imagined addressee is considered, and existence of the alternative person of the hero contacts special unsteadiness, instability and step-type behaviour of the art world of the given author.

Ключевые слова: психолингвистика, когнитивная лингвистика, коммуникация, письмо, Н. Кононов.

Key words: psycholinguistics, cognitive linguistics, communications, the letter, N. Kononov.

Герой рассказа Н. Кононова «Амнезия Анастасии» находится в некоем пограничном пространстве между жизнью и смертью, прошлым и настоящим, любовью и ненавистью, добром и злом. Подобная неопределенность, «неагентивность» [4, с. 34] вызывает ощущения неудовлетворенности и страха. Создается впечатление, что герой сомневается не только в подлинности окружающего его мира, но и даже в собственном существовании. Страх пустоты побуждает его вступать в коммуникацию с другими персонажами, таким образом он пытается восстановить утраченную связь с миром.

Классическая коммуникативная модель содержит следующие компоненты: автор — информация — адресат. При вербальной коммуникации информация всегда передается с помощью текста: автор — текст — адресат. В зависимости от типа адресата различают коммуникацию:

- с реальным адресатом (подлинным субъектом);
- с воображаемым адресатом (квазисубъектом) [1, с. 13].

«В первом случае общение бывает межличностным, групповым, между культурами и др. Во втором — общение со своим «я» (самообщение), либо с мифологическим или художественным образом, либо с образом отсутствующего человека» [1, с. 14]. На первый взгляд может показаться, что коммуникация возможна только с первым типом адресата, ведь только от реального собеседника мы можем ожидать ответа, а коммуникация предполагает взаимодействие. Однако это не совсем так. В сознании коммуниканта, страдающего психическим расстройством, воображаемый адресат может восприниматься как реальный.

В картине мира Н. Кононова герой-рассказчик не только вступает в коммуникацию с персонажами, которые воспринимаются как реальные адресаты (подлинные субъекты), но и в своем сознании восстанавливает события прошлого, моделирует альтернативную реальность, то есть вступает в воображаемый контакт с персонажами, с которыми в настоящем времени коммуникация невозможна, а также которые являются порождением его фантазии и представляют *alter ego* самого героя. *Alter ego* в переводе с латинского языка означает «другое я» [6, с. 137]. В психологии под этим термином подразумевают одну из множества личностей, появившихся в результате психического расстройства.

Если в психологии *alter ego* является достаточно устоявшимся понятием, то в филологических науках данный термин не используется. На наш взгляд, понятие «двойник», получившее широкое распространение в филологии, не может претендовать на универсальность. Несмотря на то что герои-двойники неразрывно связаны друг с другом, они все же являются отдельными персонажами, то есть разными литературными личностями. *Alter ego* же представляет другую, альтернативную личность одного и того же человека. Но так как в филологических науках нет традиции употребления данного термина, то для обозначения альтернативной личности героя мы будем использовать понятие Другое я.

В картине мира Н. Кононова герой при общении с Другим я, то есть со своим *alter ego*, часто пользуется таким видом коммуникации, как письмо. Это можно объяснить тем, что «письмо обладает поразительно высокой аутентичностью. Требование письменной фиксации возникает при желании удостовериться в сказанном. Написанному больше доверяют» [3, с. 132]. Таким образом, когда герой пишет письмо своему *alter ego*, он прежде всего пытается убедить самого себя в подлинности существования адресата, то есть Другого. О самообмане героя читатель, как правило, узнает в конце произведения, и во многом благодаря письму.

В рассказе «Амнезия Анастасии», который входит в книгу «Магический bestiарий», главный герой страдает из-за разрыва со своей любимой девушкой Анастасией. Для того чтобы обрести душевное спокойствие и выйти из тяжелой депрессии, он решает написать письмо Селику, дяде Анастасии, которого никогда прежде не видел.

Письмо героя является организующим центром рассказа. Несмотря на кажущуюся сумбурность, письмо имеет достаточно четкую трехчастную структуру. В первой его части мы узнаем о жизни героя, его взаимоотношениях с окружающими и, что очень важно, получаем подробную информацию об адресате, то есть Селике. Вторая часть письма посвящена Анастасии, а в третьей — состоящей всего лишь из нескольких предложений, герой объясняет, почему он пишет письмо именно Селику, с которым лично не знаком. Селик, ставший доктором математики в двадцать шесть лет, настолько загадочен и прекрасен, что герой уподобляет его полубогу: «Не счесть алмазов в каменной пещере Селикова черепа. Он был грандом, феодалом, дэфэмэном по матанализу... Обрывки слухов о нем проносились по квартире, как сквозняк, полный свежего озона. Я его никогда не видел, точнее, это он меня никогда не видел и слухом обо мне не слыхивал» [5, с. 92—93]. В трудную минуту жизни герой пишет письмо именно Селику, потому что воспринимает

его как высшее, всемогущее, неведомое, но в то же время близкое существо, то есть с таким же успехом герой мог бы помолиться Богу.

Загадочный Селик обладает необычным именем. В картине мира Н. Кононова имена собственные никогда не бывают случайными. Основываясь на их мифологической, сакральной, фольклорной, поэтической истории употребления, автор учитывает возможность взаимодействия устоявшихся ассоциаций с контекстом. Культурный фон таких имен становится средством раскрытия идеи художественного произведения. Антропоним «Селик» является производным от имени Сергей. При этом следует обратить внимание на то, что Селик — это «само-название» героя: «Селик — это детское прозвище, он так сам себя называл вместо “Сережа”» [5, с. 116]. Исследователи отмечают, что «будучи индивидуальным, прозвище являет собой также фактор внутренней индивидуализации лица — делает обоснованно очевидной его выделенность в сообществе, открывает ему реальную его “особленость” — отдельность от других и таким образом позволяет осознать себя самого как индивидуальность, как “Я”... Являясь безусловным... средством идентификации лица в обществе, прозвище являет собой и безусловное средство самоидентификации, а в связи с этим и средство формирования конкретных представлений лица о себе. Эта функциональная особенность прозвищ объясняется прежде всего их особой внешней близостью нарицательной лексике, практически не характерной для всех других личных имен» [2, с. 31].

В антропониме «Селик» можно выделить суффикс *-ик*, который «используется для образования ласкательных форм из кратких, в особенности от основ на *-р*, например *Марк > Марик, Лаврентий > Лаврик, Юра > Юрик* или *Шура > Шурик*» [4, с. 124]. По мнению А. Вежбицкой, у носителя языка при использовании имени собственного с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ик* возникают ассоциации не столько с миром маленьких детей, сколько с миром мальчиков. «Это впечатление усиливается еще и тем, что *-ик* в основном мужская форма, а другие уменьшительно-ласкательные формы могут относиться к обоим полам» [4, с. 125]. Обратим внимание на то, что в рассказе Н. Кононова не только герой называет себя «мальчишеским» именем Селик, но и все остальные персонажи его так именуют. С одной стороны, это можно объяснить молодостью героя («Селик оказался до неприличия молод» [5, с. 112]), манерой одеваться («черная спортивная шапочка», «яркая куртка»), его пристрастием к шуткам и каламбурам. С другой стороны, следует помнить, что имя собственное у Н. Кононова имеет особую семантику. По фонетическому и семантическому содержанию имя Селик можно сопоставить со словом «селена» (луна). Селена, богиня Луны, которая в древнегреческой мифологии отождествлялась с Артемидой, а иногда и с богиней Гекатой, считавшейся покровительницей чародейства и ворожбы [7, т. 2, с. 424]. В рассказе Н. Кононова неоднократно подчеркивается полубожественная сущность героя: «Откуда? Оттуда. Из Вселенной. Ведь должен был приехать Селик, индийский брат, столичный гость и полубог» [5, с. 92]. Несмотря на молодость, у Селика седые волосы: «Вы внешне очень симпатичный человек. Даже красивый; невзирая на седой ежик» [5, с. 103]. Традиционно серебристый/седой

цвет (цвет луны) символизирует обратную сторону жизни, ночь — то, без чего не может существовать день. Селик, подобно луне, светится отраженным светом, он черпает жизненные силы от других людей.

Из письма главного героя мы узнаем, что у Селика был близкий друг по прозвищу Каст, который погиб в горах при неизвестных обстоятельствах. Антропоним «Каст» вызывает ассоциацию с именем одного из Диоскуров — Кастором. По одной из версий греческого мифа о Диоскурах, Кастор был сыном Леды и спартанского царя Тиндарея. Его брат-близнец Полидевк был сыном Леды и Зевса. Поэтому Кастор, в отличие от своего бессмертного брата-полубога, считался смертным. Когда Зевс на просьбу Полидевка дать ему умереть вместе с братом предоставил ему на выбор или вечно пребывать на Олимпе одному, или вместе с братом проводить один день на Олимпе, другой — в подземном царстве, тот выбрал последнее, и с тех пор Диоскуры один день были бессмертны, другой — смертны [7, т. 1, с. 323]. Таким образом, в мифе о Диоскурах наблюдаются мотивы периодической смены жизни и смерти, света и мрака. В рассказе Н. Кононова функцию смертного Кастора принимает на себя Каст, а в роли Полидевка выступает Селик. Обратим внимание на то, что в конце рассказа Селик называет главному герою другое имя своего друга Каста — Афанасий:

«— Скажи, а Каст... какое странное имя твоего друга.

— Странное? Кастор, ничего странного. А вообще-то он был Афоня, Афанасий, горе-путешественник за три море...» [5, с. 117].

Имя Афанасий образовано от греческого слова «athanasia» — бессмертие. Таким образом, смертный Каст превращается в бессмертного Афанасия, а у вечно молодого, с мальчишеским именем Селика — седые волосы.

Возникает вопрос: как же на самом деле звали друга Селика? Скорее всего, имя Афанасий — тоже «ненастоящее». Когда Селик называет своего друга Афанасием, он уподобляет его древнерусскому путешественнику Афанасию Никитину, который описал свои скитания в «Хождении за три моря». Довольно большую часть своего жизнеописания Афанасий Никитин посвятил Индии, где прожил долгое время. Вспомним, что Селик в рассказе назван «индийским братом». Значит ли это, что он вместе со своим другом Кастом-Афанасием путешествовал по Индии? А может быть, друг и не погиб в горах, а остался где-то далеко, за «тремя морями»? Да и существовал ли вообще когда-нибудь этот друг? А если не было друга, то был ли Селик? Возможно, Селик — плод фантазии главного героя, его Другое я?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо вернуться к истории с письмом. Ведь единственный «документ», который может доказать или поставить под сомнение существование Селика, — это письмо.

Несмотря на то что в своем письме герой обращается к Селику, настоящим адресатом является он сам. «Лечебное письмо было написано, но не отослано, так как никому, кроме меня, не предназначалось» [5, с. 106]. Таким образом, письмо в данном случае по сути является дневниковой записью. При составлении дневника человек стремится определить границы того настоящего времени, в котором он живет, и вы-

явить, какое событие стало границей между прежней жизнью и нынешней. При этом период настоящего рассматривается как с рациональной, так и с внерациональной точек зрения; во втором случае человек открывается течению образов, постоянно происходящему «под поверхностью сознания» (А. Прогофф называет это «сумеречным воображением») [6, с. 126–140].

Обратим внимание на то, что в своем письме герой не только размышляет над событиями своей жизни, но и дает волю своему «сумеречному воображению», то есть создает модель возможного, но неосуществимого будущего. Это описание жестокой расправы, которую бы он хотел учинить над семьей Анастасии. Возникает вопрос, почему герой все же пишет не дневник, а письмо; и почему при этом в качестве формального адресата он выбирает именно Селика? Это можно объяснить тем, что Селик для него становится тем же, чем для смертного Кастора стал его бессмертный брат Полидевк. Селик – не идеал, к которому необходимо стремиться, он Другое я героя. В рассказе Н. Кононова главный герой не назван по имени. Свое письмо к Селику он подписывает латинской буквой N, что не случайно. Имя его неизвестно, он Nemo, Никто, Кто угодно, Тот, кто должен составить пару Селику-Полидевку. Потому что нет света без тьмы, дня без ночи, бессмертия без смерти.

При встрече герой убеждается в невероятном сходстве с Селиком. Они похожи не только внешне, характером, но и манерой говорить стихами. («Тяжеловоз... Все под откос»; «Дружок-пирожок, да ты так не бледней... / Я считаю список дней / Не говори в рифму / Спугнешь старуху, как нимфу»; «Красота страшна, вам скажут / Дважды х...й узлом завяжут» и т. д. [5, с. 113, 114]).

Взаимоотношения героя с Селиком организуются как дополнение и патронаж, но при этом они не образуют *карнавальную пару* и не являются двойниками друг друга: «Он был на полголовы выше меня, и я, закинув лицо, целовался тогда не с ним, а со своим отражением, твердым, как зеркало, и пахнувшим чем-то небывалым, оттуда, с другой стороны моего призрачного сна. Я и не думал уклоняться. Я почувствовал свои губы, бритую гладкую щеку, жесткую голову, сильный морской язык» [5, с. 113]. В сцене с поцелуем происходит физическое единение героя и Селика. В этот момент герой ощущает тело Селика как свое собственное, поэтому он начинает сомневаться: существует ли Селик на самом деле или это порождение больного сознания? Однако вернемся к истории с письмом.

Мы уже обращали внимание на то, что письмо – организующий центр рассказа. Из него мы узнаем о жизни героя, его взаимоотношениях с окружающими, получаем подробную информацию о Селике. Все события, которые разворачиваются после написания письма, герой небрежно называет «постэпистолярным приложением» [5, с. 106]. И это «приложение» необходимо ему, чтобы рассказать о дальнейшей судьбе своего «лечебного письма»: «Я долго носил его (письмо) во внутреннем кармане куртки. словно горчичник. Я его несколько раз перечитывал. Потом оно куда-то подевалось» [5, с. 106]. Письмо исчезло, чтобы через

много лет появиться опять. «Здесь следует большой перерыв, даже очень-очень большой, гигантский, так как прошлое из грамматического превратилось для меня в тектоническое... Там было все: мой переезд в столицу, удачный перевод без потери курса в МФТИ, конечно, по его (Селика) протекции, но он говорил, что за меня не стыдно» [5, с. 116]. Проходит «еще какое-то немалое время...», и герой на свой берлинский адрес получает необычное письмо от Селика «из некоего медучреждения по-английски, где были вкраплены записанные латиницей слова и прибаутки из моего неотправленного древнего лечебного письма. Как оно у него оказалось, мне уже не расскажет никто...» [5, с. 117]. На этом заканчивается история письма, поэтому герой не видит смысла продолжать повествование. Он опять возвращается в прошлое: время, в котором существует герой, — цикличное мифологическое. Селик так свободно цитирует неотправленное письмо, потому что он — вымышленная личность, Другое я героя.

Таким образом, в конце рассказа происходит слияние формального адресата письма с его автором. В письменном дискурсе благодаря зафиксированному знаку текст может иметь бесчисленное количество пространственно-временных обращений к адресату. Письменный дискурс характеризуется как нечто видимое и осязаемое и не нацелен на немедленный ответ, но устремлен на *множество контекстов будущего, отделенных временем и расстоянием от того поля, в котором текст был написан* [3, с. 120–124]. Герой понимает, что много лет назад он все-таки отправил письмо в будущее. И оно наконец-то пришло на правильный адрес.

Список литературы

1. Агеев В. Н. Семиотика. М., 2002.
2. Берестнев Г. И. Прозвище как фактор самосознания // Семантические единицы и категории русского языка в диахронии. Калининград, 1997.
3. Болдонова И. С. Межличностный диалог: устный и письменный дискурсы // Вестник ЯГУ. 2009. Т. 6, № 3, С. 120–124.
4. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
5. Кононов Н. Амнезия Анастасии // Магический бестиарий. М., 2002. С. 85–118.
6. Кутузова Д. А. Введение «Структурированного дневника» по методу Айры Прогоффа // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 1. С. 126–140.
7. Мифы народов мира : энциклопедия: в 2 т. М., 1987–1988.

Об авторе

Скрыбина Алиса Вадимовна — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: alice-lem@yandex.ru

About author

Skryabina Alisa — PhD student, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: alice-lem@yandex.ru